

ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ В ПОНИМАНИИ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Проблема теодицеи, т.е. богооправдания является одной из принципиальных мировоззренческих дилемм. В творчестве просветителя Георгия Конисского, архиепископа Могилевского и Белорусского ей уделяется особенное внимание. Именно она положена в основу полемического сочинения, направленного против вольтерьянства. «Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам» и «Ответ на оное письмо архиепископа Могилевского Георгия Конисского» впервые опубликованы в 1867 г. в «Домашней Беседе», издаваемой под редакцией В. Аскаченского [1, 2, 3].

Редактор снабдил публикацию собственным небольшим примечанием об обстоятельствах получения рукописи Конисского [1. С. 1102]. «Рукопись эту, весьма древняго свойства, сколько можно судить по почерку, правописанию и самой бумаге», Аскаченский получил 14 октября 1867 г. от студента Московской Духовной Академии Сергея Борзеевского. Документ сразу же вызвал у редактора большой интерес, поскольку в известных ему собраниях сочинений Георгия Конисского эта «апологетическая статья» не была опубликована. По мнению В. Аскаченского, рукопись «драгоценна особенно тем, что в защитнике христианства мы видим знаменитого святителя Западной России Георгия Конисского» [1. С. 1102].

«Письмо г-на Волтера» представляет собой антиклерикальное произведение, состоящее из ряда каверзных теологических вопросов, имеющих целью открыть внутреннюю противоречивость и ошибочность основных религиозных догматов. Оно распространялось на территории Речи Посполитой во второй половине XVIII века. Вопросам предшествует прямое обращение автора письма (подразумевается – Вольтера) к некоему богослову, верному сыну церкви, для которого открыты истины «Божественной науки». Вступление исполнено иронии автора, якобы желающего обратиться на «путь истины». «...Мои глаза, так как несчастливого грешника, столь далеко в премудрость Всевышней власти проникнуть не могут, как ваши, – пишет автор письма, – то прошу вашу святость взять на себя труд просветить мое неведение и тем избавить... от бесовской силы, делающей меня достойным всех тех ужасных мучительств, которые не только за подобныя моему заблуждению, но и за самая от природы на сии свойственные действия, по преселении нашем в безизвестную вечность, нам обещаются» [1. С. 1102].

Автор ответа на письмо, не менее ироничный уже в собственном вступлении к полемике, доходит до сарказма, описывая обстоятельства появления письма. По мнению Георгия, данное письмо «явилось в свете в несколько годов по смерти уже г. Волтера», т.е. после 1778 года [1. С. 1103]. В представлении наивных читателей оно может быть уподоблено письму пророка Илии (здесь проглядывает ирония по поводу авторитета и славы Вольтера среди европейцев) «с тем только различием, что письмо Илиино, как думают невежи, писано было из рая, а письмо г. Вольтера из ада, куда он отступничеством своим и христорством, аки пароконною колесницею (как безгрешно можно думать), взят от земли» [1. С. 1103].

На самом же деле Георгий, далекий от наивных мистификаций, склонен считать автором письма не самого Вольтера, а его «любезных последователей и подражателей» (в слове «любезный» снова звучит ярко выраженная ирония). Это обстоятельство не мешает Конисскому продолжать персонифицировать автора, отвечать именно Вольтеру, а не сторонникам его философии, одинаково исполненным «духом отца лжи, противоборствующим на Веру и Церковь христианскую» [1. С. 1103].

Собственно полемическая часть письма построена в традициях классической логики и состоит из 17 «Возражений г-на Волтера» и такого же числа «Решений оных, сделанных оным архиепископом». Вопросы Вольтера Конисский не случайно именует «возражениями», поскольку для мыслителя-христианина первичен и субстанционален Бог, а любые попытки поставить христианскую идею под сомнение есть противление Истине.

В основу полемики, как уже отмечалось выше, автором письма полагается принципиальная мировоззренческая дилемма между любовью Творца и реальностью существования зла: «От чего сие происходит, — пишет автор, — что Бог, будучи исполнен толикой прозорливости и милосердия, сотворил так наилучшую тварь свою, т.е. праотца нашего Адама, что он лишь вошел в место ему определенное, то и сделался преступником ослушным и жестоко наказание заслужившим?» [1. С. 1103].

Этому вопросу Конисский уделяет в полемике больше всего внимания, его первое «решение» самое объемное по сравнению с последующими шестнадцатью. Георгий сразу же проводит четкую грань между Богом и злом, проистекающим не от Творца, «который сотворил Адама по образу и по подобию своему, т.е. свята и непорочна» [1. С. 1103]. Разрешение на первый взгляд сложной проблемы богооправдания (в истории эта проблема тем сложнее и неразрешимее, чем дальше сознание эпохи уходит от традиционных христианских принципов мировосприятия) Конисский находит в характерной для православной мировоззренческой традиции идее свободы человеческой личности: «Хотя же Бог и предвидел сие праотцев превращение, однако тому быть допустил, первое потому, что дав им свободную волю, не мог уже препятствовать в произволении их; инакоже сам бы своими действиям был противен, естлибы, давши волю, препятствовал ей» [1. С. 1103].

Вторым, более сложным и значительным пунктом разрешения проблемы теодицеи выступает идея предуготовления пути Сына Божия, стремления венца творения к совершенству, к высшему воплощению в облике Бога-Слова: «...Поводом такового предвиденного падения предустановил Бог средство иное, к восстановлению Адама и его наследия, т.е. послание в мир Сына Своего, для коего и мир сотворен...» [1. С. 1104]. Именно таким путем, по мнению Георгия, «Адаму же и наследию его» было предуготовано не ложное, не обещанное сатаной, «но истинное причастие божества» [1. С. 1104]. И даже рассуждение о том, что далеко «не весь род человеческий уверует во Христа», не становится препятствием к решению поставленного вопроса, поскольку на примере неверующих и беззаконно живущих предустановлено показать божественную правду и другие совершенства Творца.

Конисский поднимается над известной метафизикой богословия и говорит о диалектической связи между добром и злом в мире. Он, по своему обыкновению, обращается за доказательствами к глубоко изученному им тексту Священного Писания, причем оперирует анализом библейских слов и выражений не только на церковно-славянском языке, в переводе, но и оттенками их значений в еврейском и греческом подлинниках Библии. Цитируя из Притч Соломоновых, Конисский подчеркивает мысль о том, что «вся содела Господь Себе ради — даже и нечестивого на день зол», чтобы позже на нем была открыта «правда Божия». Допущение зла, по мысли Конисского, есть необходимое условие постижения смысла добра и любви. Эту мысль Конисский подкрепляет цитатами из посланий апостола Павла к римлянам и «колоссаем» (колоссянам), в которых говорится о бытии всего сущего «киз Того и Тем и в Него (...для Него)», т.е. в Боге и для Бога. К этому же размышлению Конисский относит и слова Спасителя, сказанные им в первой и последней главе Откровения об альфе и омеге, начале и конце, заключенных в Боге.

Так Конисский приходит к выводу, риторическому контрвопросу, не только разрушающему сомнения по вольтерианскому вопросу, но и раскрывающему печальный смысл противленческого бытия вопрошающего: «...Естли Спаситель наш, Сын Божий Единородный, есть самый конечный предел создания, то как было Богу не допустить падения Адамова, которое дорогу сделало пришествию Христову в мир, и показанию как милосердия Его на верующих, так и правды на неверующих?» [1. С. 1105].

Литература

1. Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам // Домашняя Беседа. — 1867. — Вып. 46. — С. 1102–1106.

2. Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам. (Продолжение) // Домашняя Беседа. – 1867. – Вып. 47. – С. 1122–1126.

3. Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам. (Окончание) // Домашняя Беседа. – 1867. – Вып. 48. – С. 1154–1156.